

**ПОЛИЦИЯ
ПАМЯТИ**

1

Иногда я думаю: а что же исчезло с острова самым первым?

— Давным-давно, задолго до твоего рождения, вокруг было столько разных вещей, что и не сосчитать, — часто рассказывала мама, когда я была еще совсем маленькой. — Прозрачных, ароматных, ярких, блестящих... Таких прекрасных, что ты и представить себе не можешь! Но люди этого острова, как ни жаль, не смогли удержать эти вещи в своем сердце. Все, кто живет на острове, должны утрачивать их одну за другой. Вот и у тебя скоро наступит такой день, когда ты утратишь что-то впервые.

— Это страшно? — с тревогой спрашивала я.

— Нет, не бойся. Это не больно и даже почти не грустно. Однажды утром ты откроешь глаза и обнаружишь — что-то исчезло, а ты и не заметила. Вот тогда зажмурься покрепче и прислушайся. Ты заметишь, что утренний воздух течет немного не так, как вчера. И поймешь, что именно ты утратила — и что исчезло с острова навеки.

Обо всем этом мама рассказывала, лишь когда мы были в ее подземной мастерской. До сих пор отчетливо помню этот подвал шириной примерно

в двадцать татами*, с тучами пыли вокруг и грубыми половицами. С северной стороны дома текла река, так близко, что слышался шум воды. Я сидела на стуле, поставленном здесь специально для меня, а мама то затачивала зубила, то обтесывала камни — она была скульптором — и тихонько рассказывала:

— После каждого исчезновения остров какое-то время гудит, как улей. Все собираются на улицах и поминают, что исчезло. Горюют, оплакивают, утешают друг друга. Если исчезнувшее имело реальные формы, его сжигают, хоронят или пускают вниз по реке. Но уже через пару дней суматоха стихает, и все возвращаются к своим обычным делам. Что там исчезло — никто уже и не помнит...

После этих слов она отрывалась от работы и отводила меня в уголок за лестницей. К огромному старому комоду с рядами выдвижных ящичков.

— Ну, давай. Открой какой хочешь.

И я долго скользила взглядом по ржавым овальным ручкам, гадая, за какую же потянуть.

В эти моменты я всегда застывала в нерешительности. Потому что отлично знала, какие странные, завораживающие вещи хранятся в этом комоду. Вещи, которые уже исчезли с острова, но мама собрала их тайком и спрятала здесь.

Наконец, решившись, я выдвигаю один из ящичков, и мама с улыбкой выкладывает его содержимое мне на ладонь.

* Татами (*яп.* 畳) — толстый соломенный мат, а также мера площади пола в жилых помещениях. 1 татами = 90 × 180 см (1,62 м²). Здесь речь идет о площади порядка 30 кв. м. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

— ...Это исчезло, когда мне было семь лет. Такая полоска ткани называлась «лента». Ее вплетали в волосы или пришивали к одежде.

— ...Это называется «колокольчик». Возьми, покачай его. Слышишь, как весело звенит?

— ...О, какой чудный ящик ты выбрала сегодня! Это — изумруд, мое самое большое сокровище. Память о моей бабушке. Красивый, дорогой, изысканный — такие кристаллы считались на острове самыми драгоценными. Но сегодня все уже позабыли их красоту.

— А эта вещица совсем крошечная и тонкая, но страшно важная! Когда люди хотели сообщить что-нибудь другим, они писали слова на бумаге, к которой приклеивали вот такую «марку». И тогда их послание доставлялось куда нужно... Ох, давно это было!

Лента, колокольчик, изумруд, марка... Слова эти, слетая с маминых губ, будто имена заморских девочек или названия новых растений, заставляли трепетать мое сердце. И я радовалась при мысли о том, что когда-то каждая из этих вещей жила на острове своей жизнью.

Хотя представить такое было, конечно, непросто. На моей ладони эти предметы покоились недвижно, точно впавшие в зимнюю спячку зверьки, и никаких сигналов мне не посылали. Глядя на них, я часто впадала в такую беспомощность, словно пыталась вылепить из глины пловы, плывшие по небу облака. Здесь, перед секретным комодом, я понимала, что просто обязана всем сердцем вслушиваться в каждое мамино словечко.

Из всех ее рассказов я больше всего любила историю про «духи». Это была прозрачная жидкость в маленьком флакончике. Когда мама дала мне подержать его в первый раз, я решила, что внутри какой-то сироп, и захотела попробовать его на вкус.

— Стой! — воскликнула мама, смеясь. — Это не пьют. Это наносят на шею, вот так... Одной капли достаточно!

Она поднесла бутылочку к шее чуть ниже мочки уха и очень бережно капнула жидкость себе на кожу.

— Это еще зачем? — изумилась я.

— Мы не можем увидеть духи, но они обладают невероятной силой.

Я устала на флакончик с жидкостью.

— Если их нанести на себя, начинаешь приятно пахнуть. И можешь этим кого-нибудь очаровать. Когда я была молодой, все девушки перед свиданием пользовались духами. Найти аромат, способный очаровать того, кто тебе нравится, было так же важно, как подобрать правильное платье! Эти духи я наносила перед каждым свиданием с твоим папой. Мы встречались в розовом саду, на склоне Южного холма... Если б ты знала, чего мне стоило найти аромат, который перебивал бы благоухание роз! Мои волосы развевались на ветру, а я то и дело бросала на папу такой взгляд, словно спрашивала: «Ну? Тебе нравится, как я пахну?..»

Рассказывая про духи, мама оживлялась сильнее всего.

— В те времена все умели различать приятные запахи. И находили это прекрасным. Но теперь — увы! — все изменилось. Духов больше не продают.

Да и покупать их никто не желает. Исчезли они как раз той осенью, когда мы с папой поженились. Все жители собрались на берегу реки со своими флакончиками. Они откупоривали их и выливали духи в воду. Напоследок, помню, кое-кто еще подносил флакончик к носу, словно желая запомнить аромат... Но способность различать такие тонкие запахи уже исчезла вместе с воспоминаниями о них. Духи просто вылили в реку. Еще несколько дней здесь над городом висела жуткая вонь — удушающая смесь всех ароматов сразу, от этого даже рыба всплывала брюхом вверх. Но никто особо не обращал внимания. Все уже расстались с запахами навсегда...

Мама закончила рассказ, глаза ее погрузнели. Она усадила меня к себе на колени, обняла и позволила понюхать аромат у себя на шее.

— Ну, как тебе? — спросила она.

Я даже не знала, что ответить. То есть да, какой-то запах я уловила. Но не такой, как у только что выпеченного хлеба, и не такой, как у хлорки в бассейне. А кроме этих двух, никаких больше запахов в памяти не всплывало.

Поняв, что ответа не будет, мама обреченно вздохнула.

— Ладно... Пускай для тебя это просто немного воды в бутылочке. Ничего не поделаешь. Вспоминать то, что давно исчезло, людям на этом острове нелегко.

Она спрятала флакончик обратно в ящик.

Часы в мастерской пробили девять раз. Я отправилась в свою комнату — укладываться в постель. Мама взяла молоток и вновь принялась за работу.

В окошко под самым потолком заглянул тоненький серп луны.

Когда она пришла поцеловать меня на ночь, я наконец решилась спросить у нее то, что давно хотела:

— Почему ты так хорошо помнишь то, что исчезло? Почему до сих пор чувствуешь аромат духов, о котором все позабыли?

Она посмотрела на луну за окном и кончиками пальцев стряхнула каменную пыль с передника.

— Может, потому, что все время об этом думаю?

Ее голос звучал приглушенно.

— Но я правда не понимаю... — не унималась я. — Ты — единственная, кто помнит все, что исчезло? И ты всегда, всегда будешь это помнить?

Она вдруг опустила взгляд — так, словно я напомнила ей о чем-то печальном. Чтобы утешить маму, я поцеловала ее на прощание.